

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

КАТЕГОРИЯ СЛОВА В РОМАНЕ М. П. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»

© **Соломенникова Валентина Игоревна**

магистрант, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: vale.nochek@yandex.ru

© **Колмакова Оксана Анатольевна**

доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: post-oxygen@mail.ru

В статье исследуется поэтика романа М. П. Шишкина «Письмовник», рассмотренного как модернистский текст в его постмодернистском варианте. Произведение, основанное на соединении традиций эпистолярного романа и (квази)исторического факта, отвечает современной, ставшей сегодня своеобразным «трендом», стилистике синтеза жанров fiction и non-fiction и наделяет слово автора особой функцией. Иронично-игровой аспект постмодернистского слова позволяет ему стать полноценным субъектом повествования. В романе Шишкина слово может быть рассмотрено в качестве одного из ключевых «персонажей», что переносит конфликтное поле произведения в пространство языка. При этом автор решает ряд художественных задач, связанных не только с модернистским эскапизмом «в слово», но и с раскрытием его гармонизирующей, уравнивающей по отношению к окружающей реальности роли.

Ключевые слова: М. П. Шишкин, «Письмовник», современная русская проза, категория слова, модернизм, постмодернизм.

Обожествление Слова, обращение к его способности воплотить все, что происходит как в объективной реальности, так и мире, созданном сознанием человека, сближает роман Михаила Шишкина «Письмовник» (2010) с эстетикой модернизма. «Все настоящее ничтожно, ничемно, если оно не ведет к словам и если слова не ведут к нему. Только слова как-то оправдывают существование сущего, придают смысл минутному, делают ненастоящее – настоящим, меня – писателем», – приводит слова героя романа Д. Бавильский, определяя художественный метод «Письмовника» как «постмодерн, понятый и исполненный как модерн» [1]. Роман «Письмовник» так же, как и предыдущие произведения М. Шишкина – «Взятие Измаила» и «Венерин волос», вызвал бурную полемику среди

критиков, пытавшихся ответить на вопрос: модернист или постмодернист писатель М. Шишкин?

Исходя из интертекстуально-игровой специфики постмодернистского текста, М. Ганин утверждает: «Шишкин обвел всех вокруг пальца, сделав вид, что написал роман о любви <...> За кажущейся элементарностью, почти предельной простотой композиции романа, за уменьшительными суффиксами и придыханиями Шишкин маскирует книгу о двух людях, живших в разные времена, никогда не встречавшихся при жизни, обращающихся не друг к другу, а в пустоту. Они не встречаются (и не встретятся) и после смерти. Единственная встреча Володи и Саши, когда-либо имевшая место, происходит здесь, в книге. Потому что смерть – сильнее любви. Но слова – сильнее даже и смерти» [2].

Главный объект постмодернизма – текст (вспомним утверждение Ж. Дерриды «Все есть текст!»). Прямая и косвенная цитата в композиции «Письмовника» играет важную роль. Человеческая жизнь неотделима от культурного наследия, накопленного предшествующими поколениями; более того, тексты, наполнившие жизнь героев, по-своему усредняют, нивелируют ее. «Газета: на первой странице – война, на последней – кроссворд...» [4, с. 1012]. При этом, цитируя отрывки из шедевров русской и мировой литературы, исторических источников и деловых документов, автор доказывает, что «все, что в жизни происходит важного, – выше слов» [4, с. 1036].

М. Шишкин апеллирует в своем романе к еще одному фундаментальному принципу постмодернизма – отказу от истины. М. Ганин приводит пример из романа Шишкина: «На происходившее со мной я смотрел только с точки зрения слов – могу я это взять с собой туда, на страницу, или нет. Я знал теперь, что ответить давно сгнившим мудрецам: мимолетное обретает смысл, если поймать его на лету. Где вы, мудрецы, ау? Где видимый вами мир? Где ваше мимолетное?» И продолжает: «Это не герой пишет, отсылая нас к другому вопрошанию («Смерть, где твое жало?»), – это автор» [2].

Однако С. Оробий считает, что было бы неправильным признать художественный мир романа М. Шишкина постмодернистским. Главный аргумент исследователя состоит в том, что автора интересует не столько игра с образами и цитатами (которых, впрочем, очень много), а сюжет жизни и смерти человека, который никак нельзя назвать лишенным серьезности. С. Оробий пишет: «Принципиальные неточности и умолчания в портретах главных героев делают их образы предельно абстрактными, придают действию архетипический характер – что может быть универсальнее, чем мужское и женское начало; мужской образ в произведении связан с вечной темой войны и смерти, женский – со столь же вечными темами рождения ребенка, жизни. Появление «Письмовника» позволяет утвердиться в мысли о том, как далек Шишкин от постмодернистской поэтики <...> роман писателя заканчивается парадоксальным принятием смерти как великого дара, растворением героев

во времени, но теперь и «Сашенька», и «Володенька» могут умереть спокойно. Писатель Шишкин знает про них то, что не позволит им исчезнуть никогда» [3, с. 148-149].

Жизнь, прерванная наяву, но продолженная в слове является ведущей темой «Письмовника». Трагический по содержанию, но оптимистический по своей сути, роман утверждает ценность любви, противостоящей ненависти, абсурдности жестокого мира и неизбежности смерти. Слово, запечатленное в письмах любимому человеку, становится для героев своеобразной исповедью, главным средством самопознания и самовыражения, рассказом о долгих поисках своего места в равнодушном и враждебном для них мире и, наконец, выражением мечты о встрече в мире ином.

Название произведения можно рассмотреть с двух позиций. Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова определяет лексическое значение слова «письмовник», во-первых, как «сборник образцов для составления писем разного содержания», во-вторых, как «книгу для самообразования по языку и литературе». Существует написанный именно с этой целью письмовник Николая Курганова, вышедший в 1793 году. В то же время название романа отсылает нас к таким заглавиям, как «Судебник», «Молитвенник», то есть имеет ту же словообразовательную модель, что и данные слова, обозначающие свод законов или молитв, имеющих для читателя, с одной стороны, императивное значение, с другой – необязательность порядковой, «хронологической» последовательности.

Так и в романе Шишкина – герои в разлуке, оказавшейся вечной, пишут друг другу письма, в которых время оказывается не властно над ними: события, происходящие в романе можно назвать «надвременными». Юноша оказывается на войне, происходящей в Китае в начале двадцатого века. Это восстание ихэтуаней, на подавление которого отправлена русская армия. Вспоминая детство, он упоминает гимназию, мечту матери надеть модные во времена его мирной жизни перчатки, закрывающие локти. В письмах героини легко угадывается российская действительность конца двадцатого века. Герои существуют в разных концах Земли и в разных временных пространствах. Однако существуют письма-воспоминания о счастливых мгновениях взаимной любви в начале их разлуки и письма-исповеди, когда героиня узнает о гибели любимого. Письма все еще продолжают идти, хотя уже, возможно, не на бумаге, а в сознании обоих героев: стареющей и переживающей удары судьбы Сашеньки и попавшего в колесо бесконечной войны Володи.

Слово, сказанное и написанное, имеет особую власть над героями. С первых строк автор отсылает читателя к библейской трактовке категории слова: «Открываю вчерашнюю «Вечерку», а там про нас с тобой. Пишут, что в начале снова будет слово...» [4, с. 810]. Вспомним, что в Библии слово имело функции творения, было неоспоримым подтверждением гармонии мира. После грехопадения Адама и Евы слова превращаются в условные знаки, далекие от истинного смысла. Так и в письмах героев –

гармоничными являются воспоминания, связанные с их любовью, искренними – только слова любви, адресованные друг другу. Все остальное – война, отношения с окружающими, даже с родителями – дисгармонично, противоречиво, полно внутренних конфликтов и непонимания.

Володя до ухода на войну пытался стать писателем. Ему знакомы муки творчества. «Дар оставил меня», – пишет он роковые слова перед тем, как сжечь все свои рукописи. При этом для героя слово, как возможность быть услышанным (прочитанным) важнее всего: «Наверное, нельзя так любить слова. Я любил их до одури» [4, с. 953]. Он «ненавидел ложь, особенно когда начинали уверять со всех трибун, что смерти нет, что записанные слова – это что-то вроде трамвая, увозящего в бессмертие». Так пишет героиня, пытаясь объяснить себе причину ухода на войну возлюбленного. Она тоже вспоминает, как его дневники и рукописи становятся пеплом, так что письма к ней – все, что остается после его гибели.

Слово и жизнь Володи тесно переплетаются. «Я должен был доказать, что существую сам по себе, без слов... Мне нужны были доказательства моего бытия» [4, с. 954], – пишет он возлюбленной. Он чувствовал, что не творит, а только слышит и передает чью-то волю: «Я не был собой. Слова приходили – и я чувствовал себя сильным, но я не мог им сказать – приходите! И они оставляли меня пустым, никчемным, использованным, выбрасывали на помойку. Я ненавидел себя слабого и хотел быть сильным, но каким мне быть – за меня решали слова...» [4, с. 955]. Можно сделать вывод, что не только на поиски «своего Тулона» идет на войну герой, ему важно ответить самому себе «на вопрос: кто я?».

Не только главные герои – практически, все персонажи в какой-то мере находятся в тех или иных отношениях со Словом. Так, отец героини, не понятый ни женой, ни окружающими, пережив много потерь и приключений, писал мемуары – «брошюрку бытия» [4, с. 1062]. И сообщил дочери, что планирует закончить их фразой, которой когда-то древние писцы завершали свои книги. Его желанию не суждено было сбыться. Эту фразу пишет автор от имени Володи, завершая переписку: «Уставшая рука спешит и медлит, выводя напоследок: счастлив бысть корабль, переплывши пучину морскую, так и писец книгу свою» [4, с. 1086].

Мать Сашеньки долгие годы пыталась заработать на жизнь, печатая на машинке документы. «Завещания, доверенности, купчие, протоколы обыска, заверенные переводы...». Неудивительно, что материнское слово-напутствие дочери содержит знакомые для советского строя шаблоны: «она все время повторяла где-то вычитанное, что жизнь – это не роман, что она не усыпана розами, что в ней надо делать не только то, что хочешь...» [4, с. 852]. Героиня, как и ее возлюбленный, не принимает прописных истин, протестует против них. И становится женой человека, сказавшего, что «давно уже ничего не читает, потому что надо писать живой жизнью – слезами, кровью, потом <...>, а они (писатели) пишут чернилами» [4, с. 887]. Возможно, она вспомнила слова Володи, который пытался

убедить ее в том, что «любая книга – ложь, уже хотя бы потому, что в ней есть начало и конец. Нечестно поставить последнюю точку, написать слово «конец» – и не умереть» [4, с. 954].

Погибший на войне друг Володи Кирилл Глазенап, тоскующий о гармонии, находит ее в занятиях каллиграфией (отметим самоцитацию, отсылку к рассказу Шишкина «Урок каллиграфии»). Когда не хватает бумаги, он «пишет на доске или холстине, окуная кисточку в простую воду <...> Когда он дописывает стихотворение до конца, начало уже исчезает от солнца и ветра» [4, с. 916]. История каллиграфических упражнений этого героя символична: так исчезает в потоке времени воспоминание о судьбе любого человека. Только любящее сердце способно подарить погибшему вторую жизнь.

Тема смерти – одна из ключевых в романе. Не только Володя погибает на войне, смерть словно преследует и его возлюбленную: выйдя замуж после гибели любимого, героиня теряет ребенка, ухаживает за матерью, в тяжких муках умирающую от рака, хоронит вслед за ней отца. Первая, брошенная жена художника – мужа героини пытается покончить жизнь самоубийством, от несчастного случая умирает дочь от первого брака, до рождения погибает третий, долгожданный ребенок подруги детства Яны. Да и деятельность самих героев волей судьбы связана со смертью: Володя назначен армейским писарем, основная обязанность которого – писать и посылать похоронки. Сашенька в медицинский «пошла учиться, потому что хотела давать жизнь», а приходится работать по прерыванию беременности – убийству нерожденных детей. Кроме того, героиня носит имя умершего до ее рождения брата, и, ухаживая за матерью, периодически впадающей в беспамятство перед смертью, вдруг понимает, что та зовет не ее, а мертвого брата. При этом еще в детстве героиня искренне верила, что прочитанное слово давно умершего творца способно хотя бы на миг воскресить из небытия. Поэтому в библиотеке «из жалости к умершим и никому не нужным авторам» брала их «забытые книги, потому что иначе об этих писателях никто и не вспомнит».

Смерть противостоит жизни и на страницах романа приходит к людям и животным, как добрая утешительница, спасающая от ставшей невыносимой жизни. Так, Володя первый раз в жизни убивает птенца, упавшего около муравейника и обреченного быть заживо съеденным муравьями, образовавшими на нем «черный, вздрагивающий от невыносимой боли комок». На войне он от жалости пристреливает собаку с раздробленными лапами.

Героиня после гибели любимого живет в атмосфере постоянного холода одиночества: «утром еду на работу. Жду трамвая, и от ледяного ветра на глаза навернулись слезы, щеки обожжены. Замерзшая толпа на остановке угрюмая, молчаливая. Не то люди, не то тени...» [4, с. 1049]. Но в последний день на этом свете, а может быть уже «на том» вдруг радуется зиме, ведь можно, как в сказке слепить дочку-Снегурочку. «Беру снег, а

он ловкий, лепкий. Все получается – ручки, ножки. Пальцы замерзнут, погрею их в карманах и снова леплю. Щечки, носик. Ушки. Пальчики... Чудесная получилась девочка!» [4, с. 1077]. С ней героиня садится в трамвай и едет в царство попа Ивана, про которое когда-то в детстве рассказывал ей отец, а теперь там ожидают ее все умершие родные и любимые. Царство попа Ивана – своеобразное тридцатое царство умерших предков, где «каждый знает свое будущее и все равно живет свою жизнь, любящие любят еще прежде того, как узнают друг о друге, познакомятся и разговорятся, и реки (символ времени) текут днем в одну сторону, а ночью в другую» [4, с. 1083].

Слово существует в романе и как напоминание о шедеврах мировой классики, утверждающих истины, важные во все времена. Текст построен на множестве аллюзий: упоминаются Элоиза и Абеляр, первооткрыватели эпистолярного жанра, Юлия – «новая Элоиза» и Сен-Пре, есть отсылки к «Гамлету» Шекспира, «Войне и миру» Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевскому, Ф. И. Тютчеву, К. М. Симонову. Все мудрые слова уже были сказаны, тончайшие движения души влюбленного уже были описаны. Что нового могут сказать герои о своей любви и поисках смысла жизни? Появляющийся перед героиней в минуту раздора с собой «весть и вестник» произносит: «Ты же знаешь, что любые слова – это только плохой перевод с оригинала. Все происходит на языке, которого нет. И вот те несуществующие слова – настоящие» [4, с. 886]. После известия о гибели любимого героине приходит письмо с очень важным выводом: «Все сущее и мимолетное отражает свет. Этот свет проходит через слова, как через стекло. Слова существуют, чтобы пропускать через себя свет...» [4, с. 955]. И перед самой встречей влюбленных, в последнем письме, не полученном героиней, следующий вывод: «...тела могут соприкасаться, и нет никакого зазора между душами. А люди становятся тем, чем они всегда были – теплом и светом...» [4, с. 1086]. Испытав потери и страдания, герои поняли: жизнь в разлуке и даже смерть бессильны перед словом любви. «Какие еще нужны доказательства моего бытия, если я счастлив из-за того, что ты есть, и любишь меня, и читаешь сейчас эти строчки!» [4, с. 960].

Итак, можно говорить о двоякой роли слова в романе М. Шишкина «Письмовник». С одной стороны, слово – это традиционное для литературного произведения «средство» передачи смыслов, на что указывают такие черты романа, как исповедальность, лиризм, обращение к эпистолярной традиции. С другой стороны, слово в романе наделяется статусом субъекта, творца художественного мира, т.е. становится «целью» автора, который буквально заморожен Словом, способным гармонизировать несовершенную объективную реальность.

Литература

1. Бавильский Д. Шишкин лес. Достучаться до небес – 10: урок каллиграфии и чистописания в романе М. Шишкина «Письмовник» [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/shishkin_les_19083 (дата обращения: 25.11.2016).
2. Шишкин М. Три прозы: Взятие Измаила. Венерин волос. Письмовник: романы. М.: Астрель, 2012. 1085 с.
3. Оробий С. П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 161 с.
4. Ганин М. Михаил Шишкин. «Письмовник»: рецензия [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17894/> (дата обращения: 25.11.2016).

References

1. Bavl'skii D. *Shishkin les. Dostuchat'sia do nebes – 10: urok kalligrafii i chistopisaniia v romane M. Shishkina «Pis'movnik»* [Knockin 'on Heaven - 10: calligraphy lesson in the Mikhail Shishkin's novel «Pismovnik»]. Available at: http://www.chaskor.ru/article/shishkin_les_19083 (accessed November 25, 2016).
2. Shishkin M. *Tri prozy: Vziatie Izmaila. Venerin volos. Pis'movnik: romany*. [Three prose: Taking of Izmail. Venus hair. Pismovnik: novels]. – Moscow: Astrel', 2012. 1085 p.
3. Orobii S. P. «Vavilonskaia bashnia» Mikhaila Shishkina: *opyt modernizatsii russkoi prozy* [«Tower of Babel» by Mikhail Shishkin: experience of modernization of Russian prose]. Blagoveshchensk: BGPU Publ., 2011. 161 p.
4. Ganin M. *Mikhail Shishkin. «Pis'movnik»: retsenziia* [Mikhail Shishkin. «Pismovnik»: review]. Available at: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17894/> (accessed November 25, 2016).

CATEGORY of WORD in the M. P. SHISHKIN'S NOVEL «PISMOVNIK»

Valentina I. Solomennikova

undergraduate student, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Oksana A. Kolmakova

doctor of Sciences in Philology, associate professor
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article explores the poetics of the M. Shishkin's novel «*Pismovnik*», considered as a modern text in its postmodern version. The work is based on the combination of traditions of the epistolary novel and (quasi)historical fact, which has become today as kind of «trend» stylistics and gives to the author's word a particular function. Ironically, the gaming aspect of postmodern speech allows him to become a full-fledged subject of the story. Ironic and playing aspect of postmodern aspect of word allows its to become a full-value subject of the story. In Shishkin's novel the word may be considered as one of the key «characters», that carries the conflicting field work in the area of language. The author solves a number of artistic problems associated not only with contemporary escapism "in the word", but also with the opening of its harmonizing, balancing role.

Keywords: Mikhail Shishkin, «*Pismovnik*», modern Russian prose, category of word, modernism, postmodernism.